

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*В.М. КУДРОВ***Выход из кризиса
и инновационная модель
экономики**

Автор анализирует состояние инновационной экономики в разных странах мира, их экономическую политику по стимулированию инноваций. На этой основе показаны просчеты российской экономической политики, блокирующие развитие отраслей новой экономики.

Ключевые слова: инновационная экономика, экономическая политика, НИОКР, рыночные реформы.

The author analyzes the state of the innovate economy in different parts of the world and economic policies to stimulate innovation. On this basis he shows failures of Russian economic policy that block the development of new sectors of the economy.

Keywords: innovative economy, economic policy, research and development, market reforms.

В 2008–2009 гг. мировая экономика погрузилась в очередной экономический кризис, ставший наиболее значительным за весь почти 70-летний послевоенный период. И хотя падения мирового ВВП не произошло, но серьезно снизились темпы его годового прироста. Так, если в 2008 г. прирост мирового ВВП был равен 2,7%, то в 2009 г. – он составил – 0,8%, в 2010 г. – 4,9%, в 2011 г. – 3,8%. И это прежде всего благодаря высоким темпам роста в Китае и Индии. Что же касается развитых капиталистических стран, то там падение производства оказалось весьма значительным.

В этих условиях все развитые страны мира, а также и Китай, твердо встали на путь укрепления и расширения инновационных процессов в своих экономиках. Развивающиеся страны стоят в самом начале этого пути и быстро наращивают расходы на НИОКР и импорт современной техники и технологий. В период экономического кризиса весь мир заметно продвинулся в их совершенствовании прежде всего в таких отраслях, как сельское хозяйство, медицина, производство альтернативных энергетических ресурсов, металлургия, транспорт, глобальная коммуникационная система, сократились издержки производства. И все это в первую очередь благодаря инновациям.

Термин “инновация” сегодня широко распространен в мире и, казалось бы, с ним все ясно. Однако это не так. Одно дело, когда в какой-то стране, в ее научном сообществе или бизнесе на базе оригинального изобретения создается некий коммерческий продукт. И совсем другое дело, когда этот продукт приходит из-за рубежа, становится новинкой для данной страны, и в этой стране эту новинку считают инновацией. Инновация – новый продукт, принципиально новый, не купленный где-то, а созданный

Кудров Валентин Михайлович – доктор экономических наук, руководитель Центра международных экономических сопоставлений Института Европы РАН, ординарный профессор Национального исследовательского университета–Высшей школы экономики.

в конкретной стране. Однако часто под инновацией понимается и старый, но существенно (или несущественно!) усовершенствованный. Так что точного или строгого определения термина “инновация”, к сожалению, нет, хотя статистика сегодня переполнена цифрами на эту тему. Возьмем же эту статистику в том виде, в каком она существует.

Зарубежные страны

Мировые расходы на НИОКР в 2011 г. увеличились на 6,5% и составили огромную величину в размере 1 252 млрд долл. по паритету покупательной способности (ППС). При этом в Северной Европе этот прирост составил 2,8%, в Европе в целом – 3,5, а в Азии – 9%. В 2012 г. мировые расходы на НИОКР возросли, по оценке западных экспертов, на 5,2% [2012 Global... 2011, р. 3]. Разные страны серьезно отличаются друг от друга не только по общим размерам затрат на НИОКР (США – 427 млрд долл. в 2011 г., Китай – 175, а Индия – 38 млрд долл.), но и по доле этих затрат в своем ВВП (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля затрат на НИОКР в ВВП отдельных стран мира (в %)

Страны	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.*
США	2,78	2,8	2,8	2,85
Китай	1,44	1,48	1,55	1,6
Япония	3,44	3,44	3,47	3,48
Южная Корея	3,21	3,36	3,40	3,45
Германия	2,53	2,82	2,8	2,9
Франция	2,02	2,21	2,21	2,21
Великобритания	1,88	1,8	1,8	1,8
Индия	0,8	0,8	0,8	0,85
Бразилия	1,02	1,1	1,2	1,25
Канада	1,84	1,95	1,95	2,0
Италия	1,18	1,27	1,3	1,32
Швеция	3,75	3,62	3,62	3,62
Нидерланды	1,71	1,84	1,87	1,90
Финляндия	3,49	3,87	3,83	3,8
Норвегия	1,62	1,8	1,85	1,85
Польша	0,61	0,68	0,72	0,72
Чехия	1,47	1,53	1,55	1,55
Венгрия	0,97	1,15	1,2	1,2
Румыния	0,59	0,59	0,65	0,66
Израиль	4,86	4,27	4,2	4,2

* Прогноз.

Источники: [Индикаторы... 2010, с. 325; 2012 Global... 2011, р. 5].

Приведенные данные свидетельствуют, что самые высокие расходы на НИОКР по их доле в ВВП осуществляют Израиль и Япония. Затем идут Финляндия и Швеция. Такие крупные европейские страны, как Германия и Франция, занимают чуть выше средней позиции в Европе, а Великобритания еще ниже. Что касается постсоциалистических стран Восточной Европы, то у них самые низкие позиции на континенте (Румыния – 0,6, Польша – 0,7, Венгрия – 1,2, Чехия – 1,6% в 2011 г.). Но что характерно для большинства рассматриваемых стран, так это практически отсутствие негативного влияния мирового кризиса на величину затрат на НИОКР: они все время росли.

В общей сумме мировых затрат на НИОКР на долю США сейчас приходится более 32%, на долю ЕС – 24%, на долю Китая – более 13%. В 2010 г. Китай превзошел

Японию по затратам на НИОКР и занял второе место в мире по этому показателю. В 2011 г. общая сумма расходов на НИОКР в Китае достигла почти 180 млрд долл., что на 15% больше, чем в Японии. Сегодня расходы на НИОКР в Китае составляют почти 46% от уровня США, в ЕС – 78%. В этом отношении поражает серьезное отставание Индии от Китая и Японии: тут расходы на НИОКР сейчас составляют всего 21% от китайских и 26% от японских. В целом, общие объемы расходов на НИОКР в разбивке по зарубежным странам и регионам выглядят за последние годы следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Расходы на НИОКР в современном мире по ППС
(млрд долл. и в % к ВВП)

Страны и регионы	2010 г.		2011 г.		2012 г.*	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Америка	473,7	2,3	491,8	2,3	505,6	2,3
в том числе:						
США	415,1	2,8	427,2	2,8	436,0	2,8
Азия	429,9	1,8	479,5	1,9	518,4	1,9
в том числе:						
Япония	148,3	3,4	152,1	3,5	157,6	3,5
Китай	149,3	1,5	174,9	1,6	198,9	1,6
Индия	32,5	0,8	38,0	0,8	41,3	0,8
Европа	310,5	1,9	326,7	1,9	338,1	2,0
Прочие	37,8	1,0	41,4	1,1	44,5	1,1
ВСЕГО	1251,9	2,0	1333,4	2,0	1402,6	2,0

* Прогноз.

Источник [2012 Global... p. 3].

В мире и в Европе расходы на НИОКР составляют 2% ВВП, в Азии чуть меньше, в Америке – чуть больше. При этом доли эти довольно стабильны, что говорит о том, что темпы роста расходов на НИОКР в мире весьма близки, а порой попросту совпадают с темпами роста ВВП.

Конечно, лидером в мировом научно-техническом и инновационном прогрессе являются США. Здесь расходы на НИОКР в 2012 г. достигнут огромной величины – 436 млрд долл., практически сопоставимой с военными расходами этой страны. По источникам финансирования 64% этих расходов будут приходиться на частное предпринимательство в промышленности, 29% – на федеральное правительство и 7% – на академические и прочие институты. По полученным результатам затрат на НИОКР в США на промышленность будет приходиться более 71% всех результатов научно-технической деятельности, на федеральное правительство – менее 7%, а на академические и прочие неприбыльные институты – 22% [2012 Global... 2011, p. 6, 8]. Промышленность остается главным мотором роста не только общих затрат на НИОКР, но и всего научно-технического прогресса в США.

Что касается затрат на военные НИОКР, то в 2012 г. они составят 76,7 млрд долл., что на 3,2% ниже, чем в 2011 г. США делают масштабный акцент на ориентацию этих расходов на информационные и коммуникационные технологии (ИКТ). На эти цели в 2009 г. было потрачено 110,2 млрд долл., или 28% всех затрат на НИОКР, в 2010 г. – 118,8 млрд (29%), в 2011 г. – 126,3 млрд (30%) и в 2012 г. – 138,8 млрд долл. (30%). Доля расходов на ИКТ в мировых затратах на НИОКР составляет в наши дни 17%.

Несмотря на падение ВВП и промышленного производства в кризисном 2009 г. расходы на НИОКР крупных американских промышленных компаний заметно выросли и составили в 2010 г.: “Дженерал моторс” – 7 млрд долл., “Форд моторс” – 5 млрд долл., “Проктер энд Гэмбл” – 2 млрд долл., “Катерпиллер” – 1,9 млрд долл.,

“Дир” – 1,1 млрд долл. Это невозможно сравнить ни с нашим “Газпромом”, ни с ВА-Зом. В период экономического кризиса американский бизнес заметно повысил свое внимание к инновациям, усилению конкурентных позиций и преимуществ своих фирм, увеличению их расходов на НИОКР. На государственном уровне были приняты законы о срочной экономической стабилизации (Polson Act, 2008), о восстановлении экономики и новых инновациях (American Recovery and Reinvestment, 2009), содержащие конкретные меры по поддержке инновационных процессов и инвестиций в ИКТ и инновационные сети.

Около 18% расходов на НИОКР в США сегодня идут на фундаментальные исследования (22% на прикладные и 60% – на разработки). За последние 50 лет эта доля почти удвоилась, в прошлом она составляла всего 10%. Из 50 самых продвинутых и знаменитых университетов мира 30 – американские, 11 – европейские, 4 – азиатские и 3 из Канады. Из 50 самых продвинутых и знаменитых высших инженерных и технологических школ в мире 22 – американские, 11 – европейские, 13 – азиатские [2012 Global... 2011, p. 16–24].

Но сегодня, с точки зрения научно-технического прогресса и инновационного развития, особый интерес представляет Китай, где поставлена задача довести к 2020 г. долю затрат на НИОКР до 2,5% ВВП. А через несколько лет после этого Китай может и превзойти США по данному показателю. Темпы роста расходов на НИОКР в Китае значительно выше, чем в США и других странах. Так, в 1996–2007 гг. они составили в среднегодовом исчислении в текущих ценах 22%, в то время как в США – 6,0%, в ЕС – 6,5 и в Японии – 5,5% [2012 Global... 2011, p. 30]. Китай весьма активно и масштабно привлекает ресурсы западных транснациональных компаний, используя квалифицированные кадры своей диаспоры, китайских ученых, инженеров и конструкторов, получивших образование в странах Запада, прежде всего в США.

В наши дни инновационная активность промышленных предприятий Китая заметно выше, чем в большинстве постсоциалистических стран, включая Россию. Удельный вес предприятий, осуществляющих технологические инновации, в общем числе предприятий в промышленности равен 30%, в то время как в России – 9,3%, в Болгарии – 29,2, Латвии – 26,9, в Венгрии и Румынии – 21,7% (см. “Форсайт”, 2011, № 3, с. 17). Доля предпринимательского сектора в финансировании затрат на НИОКР сегодня в Китае, как и в США, превышает 72%, в то время как в России она составляет 63%, в Чехии – 62% [Индикаторы... 2010, с. 326–328]. По числу исследователей (1,4 млн чел.) Китай сегодня находится на уровне США, превосходя Россию более чем в 3 раза. По числу научных публикаций за год (1,1 млн) Китай превышает Россию почти в 4 раза. По индексу цитирования в научных журналах Китай превосходит нас тоже в 4 раза, по числу патентных заявок на изобретения – почти в 7 раз [Индикаторы... 2010, с. 336, 338, 349, 354, 356]. Созданы десятки особых экономических зон, где активно работают иностранные высокотехнологичные корпорации.

В ЕС, как и в Китае, доля затрат на НИОКР в ВВП ниже, чем в США, но здесь уже создана мощная инфраструктура инновационной деятельности, которая состоит из двух мощных компонентов – национального и наднационального. Национальная инфраструктура – инфраструктура в рамках национальных границ всех входящих в ЕС 27 стран. Особенно мощная здесь – инфраструктура инновационной деятельности таких стран, как Германия, Франция и Великобритания, а также Финляндия и Швеция. Наднациональная инфраструктура – инфраструктура инновационной деятельности в аппарате ЕС: инновационные фонды, программы, проекты и механизмы поощрения инноваций в рамках всего интеграционного пространства ЕС.

В ЕС с 1984 г. существует Фонд европейских исследований, за счет которого финансируются исследования не только в странах–членах ЕС, но и в других европейских странах, входящих в Еврокомиссию. Финансирование инноваций в Европе происходит и в формате так называемых Рамочных программ социально-экономического развития. В соответствии с Седьмой рамочной программой расходы на НИОКР в ЕС в 2007–2013 гг. ежегодно увеличиваются на 10 млрд долл., в Восьмой

рамочной программе, рассчитанной на период 2014–2020 гг., это увеличение составит 15 млрд долл. в год. В период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. большинство европейских компаний стали увеличивать свои расходы на НИОКР и инновации, расширять контакты с университетами.

ЕС ежегодно выделяет гранты на исследования в размере 10 млрд долл. В 2011 г. их получили 16 тыс. исследователей. Но дело не ограничивается рамками ЕС. Существуют такие контракты и совместные проекты ЕС с США, с Китаем и другими азиатскими странами, прежде всего с Японией (всего более 30 стран). Только с одним Китаем ЕС имеет более 200 исследовательских проектов ежегодно [2012 Global... 2011, p. 32].

Общие же расходы на НИОКР в ЕС росли, несмотря на мировой экономический кризис. В 2012 г. они подошли к 340 млрд долл., или к 78% от уровня США.

Россия

В своей известной предвыборной статье “Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить” В. Путин критикует Запад, который вовлек всю мировую экономику в кризис, сформировав тупиковую “модель, построенную на безудержном наращивании заимствований, на жизни в долг и проедании будущего, на виртуальных, а не реальных ценностях и активах”. Россия же, в отличие от нехорошего Запада, “не играла в пустышки”, а развивалась нормально и эффективно. “Более того, – отмечает Путин, – в разгар кризиса мы смогли значительно повысить пенсии, другие социальные выплаты” (Известия, 16 января, 2012). Но почему-то ни слова не сказано об инновациях, на которых зиждется сегодня экономика стран Запада. В годы кризиса там был сделан акцент именно на инновации, мы же думали совсем о другом – о социальной стабильности и крепости власти, забыв об упоре на инновации, о создании инновационного климата в стране.

Подобно Китаю, Россия сегодня не числится среди стран – реальных моторов инноваций, создания широкой массы новых и оригинальных продуктов. Как и Китай, мы в основном используем, точнее – имитируем, новинки-инновации, созданные другими странами. Российская экономика пока по-прежнему базируется на архаичной институциональной неинновационной системе. При этом в отличие от Китая, на деле у наших государства, бизнеса, да и у науки нет внутреннего интереса к инновациям, к модернизации. Характерно, что доля машин и оборудования в российском экспорте в Китай за период 1999–2010 гг. снизилась с 25,3% до 4%, а их доля в российском импорте из Китая за это время росла и в 2010 г. достигла 37,4%.

Формально принятые многочисленные программы по принуждению к инновациям в формате технопарков, различных фондов, венчур-бизнесов, налоговых льгот, исследовательских университетов и т.д. на деле не дают реальных результатов, реального эффекта. Все инновационные процессы в стране уже давно находятся в состоянии застоя, а в ряде своих компонентов просто деградируют. Эта стагнация и деградация – главный фактор давно наметившегося снижения места России в мировых рейтингах по эффективности и конкурентоспособности производства, качества управления и предпринимательской среды. Сегодня мы занимаем 64-е место среди 132 стран в рейтинге по мировому инновационному индексу. Мощный инновационный результат имеют страны, где в производстве и бизнесе уже давно создан свой инновационный климат на базе зрелой конкурентной среды и высокого предпринимательского духа. Ничего подобного пока в России нет. И это одно из советских наследий.

В бывшем СССР не было и не могло быть рыночной экономики, внутренней конкуренции. Как правило, все инновации рождались в военно-промышленном комплексе под влиянием внешней конкуренции со стороны США и мощного мобилизационно-административного нажима своих “верхов”. Мы производили примитивные танки, ракеты, самолеты, космические аппараты, чтобы позиционироваться в мире как могучая мировая сила и альтернатива системе капитализма. Но в производстве гражданской

продукции мы серьезно отставали от Запада. Такую экономику вполне можно назвать антинародной, потому что в производстве товаров для народа мы существенно отставали от стран с развитой рыночной экономикой. Но, пожалуй, более всего СССР отставал от США по инновациям в гражданском производстве и в силу замены рынка планом не мог иметь инновационной инфраструктуры и инновационного климата в своей экономике. Все это надо было создавать в годы горбачевской перестройки и ельцинской революции 1990-х гг., не говоря уже о путинско-медведевском правлении в течение 2000–2012 гг. Как известно, ничего важного на этом стратегическом направлении не было сделано, не было получено и необходимых инновационных результатов или продуктов.

В настоящее время недостаток новых и современных продуктов отечественного производства мы покрываем импортом за счет огромных доходов от экспорта сырья. Импорт удовлетворяет 45% потребностей России в продовольствии, 80–85% в лекарствах и медицинском оборудовании, 80% в одежде и обуви, почти 100% в бытовой технике, более 60% в инновационных товарах и оборудовании для них (“Экономическая наука современной России”, 2011, № 2, с. 9). В России плохо финансируются НИОКР, весьма мало своих инновационных продуктов, низки патентная активность и доля в мировых научных публикациях. Вся наука функционирует в рамках давно устаревшей, традиционной советской модели, в которой наука была оторвана как от производства (бизнеса), так и от образования. По оценке западных экспертов, в 2012 г. общий объем затрат на НИОКР в России составит всего 27 млрд долл., что составляет 1,08% от ВВП (расчет по ППС). Это равно всего 6,2% от объемов затрат на НИОКР США, 13,5% от уровня Китая, 17,1% от уровня Японии и 29,7% от уровня Германии [2012 Global...2011, p. 5]. Это позорно мало для нашей страны. К тому же надо учесть, что начиная с 2012 г., в России заметно возросли военные расходы, их доля в бюджетном финансировании, а доля науки и образования снижается.

Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции в России составляет всего 0,8%, в то время как в Германии – 3,3%, а в Финляндии – 6,3% (“Форсайт”, 2011, № 4, с. 11). Российский бизнес, как правило, вообще не предъявляет спроса на инновации. Он чувствует себя вполне комфортно на традиционных, обычных, давно им занятых рынках труда внутри страны. Лишь 2% наших промышленных предприятий дают свою продукцию на зарубежные рынки. В свою очередь, иностранный капитал не очень стремится осваивать российский рынок. Его интересует добыча сырья (нефти и газа, прежде всего), металлургия и пищевая промышленность, но не машиностроение, не ИТК, современной продукции которых нам все более не хватает. И похоже, государство, несмотря на заявления его руководителей о необходимости освобождения от “сырьевого проклятья”, помогает не машиностроению, не высокотехнологичным, а сырьевым отраслям. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что налоговая нагрузка на первичные сырьевые отрасли и металлургию не превышает 5%, в то время как на машиностроение и строительство достигает порой 11% (“Независимая газета”, 2012, 7 февраля).

Доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, в общем числе промышленных предприятий у нас составляет 9,3%, в то время как в Польше – 22%, Литве – 26%, Чехии – 42%, а в Германии – 72%. В России лишь одна из десяти инновационных компаний относится к категории инноваторов на мировом рынке, в то время как в Южной Корее, Германии, Франции и Великобритании – 31–36%, а в Нидерландах и Финляндии – 40–44%. Крайне скудно участие системы образования в российских инновационных процессах. Если взять ее участие в НИОКР, то оно составляет лишь 8% (“Форсайт”, 2011, № 4, с. 11, 12).

Несмотря на увеличение затрат на НИОКР, произошедшее в последние годы, доля России в общемировом числе публикаций в научных журналах снижалась и сейчас находится на весьма низком уровне – 1,83% (2010 г.), в то время как еще в 2005 г. она была равна 2,22%, а в 1998 г. – 2,87%. Сейчас по числу публикаций в ведущих научных журналах мира Россия занимает 16-е место в мире, опустившись с 7-го места в

1995 г. За это время Китай по этому показателю поднялся с 14-го места в 1995 г. до 2-го в 2010 г. По индексу цитируемости Россия сегодня находится на 27-м месте в мире, а Китай – на 4-м, Индия – на 15-м, Бразилия – на 18-м месте.

Все только что сказанное относится к результативности нашей фундаментальной науки в аспекте международных сопоставлений. Что касается прикладной науки, то следует посмотреть на нашу долю на мировом рынке высокотехнологичной продукции и на наш вклад в мировой экспорт высокотехнологичной продукции. В 2009 г. Россия имела долю на мировом рынке высокотехнологичной продукции в размере всего лишь 0,2%, в то время как Гонконг – 8,94%, Сингапур – 6,61% и Южная Корея – 5,27%. Общий объем экспорта высокотехнологичной продукции из России в 2010 г. составил всего лишь 0,6 млрд долл., а в Венгрии – 2,7, в Финляндии – 9,1, в США – 89,1 млрд долл. (последние три страны – 2009 г.). Все это тоже говорит о катастрофическом положении в сфере научно-технического прогресса вообще и развития современных инновационных процессов в частности. По расчетам Института стратегических исследований и экономики знаний НИУ-ВШЭ, отказ от проведения активной политики по развитию российской науки и инноваций может привести к 2020 г. к кумулятивным потерям для страны порядка 6,5% годового ВВП, то есть более 7 трлн рублей (“Форсайт”, 2011, № 4, с. 13). Россия серьезно отстает от многих стран по числу патентных заявок на изобретения. Их у нас примерно 26 тыс. в год (8-е место в мире), что в 10 раз меньше, чем в Японии, в 6 раз меньше, чем в США. При этом 70% наших патентных заявок относятся к продуктам, которые содержат в себе лишь незначительные усовершенствования по сравнению с уже известными. Российский бизнес, как правило, не заинтересован в создании и распространении инноваций в своей среде. На инновации наш предпринимательский слой расходует суммы, составляющие всего 0,2% ВВП, в то время как в развитых странах мира в 5–13 раз больше.

Что делать?

Как показывают конкретные международные сопоставления, Россия сегодня – банкрот, застрявший на пути современного инновационного развития своей экономики. В силу ряда важных исторических и национальных факторов она попала в своего рода инновационную и модернизационную ловушку и очень медленно, нерешительно и некомплексно меняет свои давно устаревшие механизмы и привычки на попрание научно-технического прогресса. Но уже сейчас ясно, с учетом богатого мирового опыта, что нужно делать. К сожалению, наш собственный полезный опыт в этом отношении был только в XIX в. и в начале XX в., в советский период государственной мобилизационной экономики его фактически не было, да и быть не могло.

Опыт ельцинских рыночных реформ, безусловно, важен и полезен для учета. Но эти реформы изначально не могли сформировать у нас ни прежней русской, ни современной европейской или американской модели капитализма. У нас они могли создать лишь новорусскую модель дикого капитализма, которую уже давно пора переводить из дикого в нормальное русло, а это русло уже другой экономики и другого общества. Ничего удивительного в этом нет. И в Европе капитализм поначалу был тоже диким, но потом активно пошел вверх. Сегодня это нужно и нам.

Строить новый социально-экономический проект, современную рыночную экономику мы после Б. Ельцина прекратили, но теперь наступили новые времена и нужно формировать и воплощать в жизнь этот проект. Откладывать данную работу нельзя, и заняться надо не только экономикой и политикой, но и самим обществом и даже самими собой (“на себя оборотиться”). Ведь только перемены в общественном сознании, в самом обществе под влиянием развития товарно-денежных отношений, духовной и культурной революции под названием “ренессанс” и реформация смогли породить тот феномен, который теперь называется зрелым, а порой и народным социальным капитализмом.

Поскольку собственный опыт реформ себя по большому счету не оправдал, приходится обращаться к классическому и непререкаемому опыту Запада, особенно опыту бывших стран СЭВ, если мы хотим быть Западом, а не Востоком. К тому же великих пророков, таких как Я. Корнаи или М. Калецкий, на этот счет у нас не оказалось, восточная мудрость нам мало знакома, а опыт Китая для нас трудно переварим. Нам необходимо решительное изменение экономической политики, революционное преобразование как самого общества и отдельного человека, так и всей страны, перемены в общественном сознании и умонастроениях.

Системные перемены, революцию в экономике и обществе надо проводить грамотно и быстро. Уповать на эволюционное, постепенное, медленное становление в России инновационной экономики и современного общества после долгого исторического застоя в этой сфере – несерьезно и наивно. Нужен реальный и настоящий прорыв. А это и есть революция, слом устаревших и не оправдавших себя устоев прошлого, изменение стратегической траектории развития. Сегодня на такой путь встали практически почти все постсоциалистические страны, за исключением КНДР и Кубы. Китай при всех словесных заверениях об уважении к социализму и маоизму четко и крепко встал на этот путь, и его реальные достижения по созданию инновационной модели существенно больше, чем у нас. Россия же застряла на полпути в этом направлении.

Первое, что надо сделать, – довести давно начатые реформы до конца. Мы вот уже почти 12 последних лет лишь делаем вид, что продолжаем рыночные и демократические реформы. На деле же мы прошли 12 лет застоя этих реформ, более того – отступления от них. И если их не довести до конца, никакого “светлого будущего” нам не видать.

Во-первых, необходимо поддерживать частный бизнес, его самостоятельность и эффективность, конкурентную среду, убрать чрезмерные ограничительные государственные инструменты, которые тормозят развитие зрелой предпринимательской среды в нашей стране. В то же время государству надо более решительно и масштабно помогать бизнесу создавать широкое поле для инноваций, формирование инновационной модели в российской экономике. Речь идет о налоговых льготах и спецфондах для стимулирования создания инновационных продуктов, о формировании инновационных сетей, увязывающих в одну цепочку процесс от изобретения новшества, затем его воплощения в конкретном продукте и до коммерциализации полученной инновации на рынке, об оживлении уже созданных и формировании новых территориальных кластеров, специализирующихся на создании и реализации своих инновационных продуктов. По существу, речь идет о создании в нашей экономике ее инновационной инфраструктуры, которая должна стать базой инновационной модели. Без государства, его конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия с бизнесом здесь не обойтись.

Во-вторых, все российские предприятия, независимо от формы их собственности, надо конкретно и четко разделить на способные и не способные к инновациям. Первым надо всемерно помогать, от вторых – избавляться, ставить их “на место” с помощью не только экономических методов (штрафов, скупки, снижения закупочных цен и т.д.), но и административных мер (объединение с продвинутыми предприятиями, прямое закрытие и т.д.). Для этого надо разработать соответствующие государственные программы. В-третьих, закупая товары и услуги для своих нужд, для государственных или частных компаний с государственным участием, государство должно делать ставку на инновационные продукты, снижать в своих закупках долю обычных, а тем более устаревших продуктов, доводя ее до нуля.

В-четвертых, необходимо создать в экономике страны обширный слой малых и средних инновационных фирм, способных не только быстро создавать большое разнообразие оригинальных инновационных продуктов, но и постоянно менять их структуру и коммерческую ориентацию. Эти инновации нужно продавать крупным фирмам и корпорациям, которые и без того должны ориентироваться на инновационные прорывы в своем развитии. В самых развитых странах со зрелой рыночной экономикой уже давно образовались механизмы тесной коммерческой связи между мелким и крупным

бизнесом, в которой мелкие фирмы часто играют роль первичного двигателя для инновационных процессов в крупных корпорациях.

В-пятых, государство должно иметь соответствующие программы стимулирования модернизации основных производственных фондов, сегодня практически уже устаревших и нуждающихся в замене. Поначалу источником такой замены может стать импорт самого высокотехнологичного и желательно инновационного оборудования. Но затем необходимо приступить к поднятию нашего машиностроения с того безобразно низкого уровня, на котором оно находится сейчас, на современный уровень с упором на выпуск инновационной продукции. Без модернизации производственного аппарата, своих основных производственных фондов наша экономика никогда не станет конкурентоспособной по современным мировым стандартам.

В-шестых, государство должно всячески побуждать российский бизнес к активной инновационной деятельности. Для этого необходимо иметь четкий критерий уровня инновационности производства при оценке результатов работы бизнеса, создать сеть центров открытых инноваций, систему технологических платформ с участием не только бизнеса, но и научно-исследовательских институтов, вузов и т.д. Требуется разработка конкретных программ долгосрочного субсидирования инноваций, высокотехнологичных производств, постоянно отслеживать производство “старья”, чтобы быстрее от него избавляться. Для этого следует задуматься о создании специального министерства по инновационному развитию российской экономики. Опыт же давно действующего у нас Минпромразвития оказался не только безликим и малопродуктивным, но и просто негативным.

И наконец, в-седьмых, надо разработать программу широкого и тесного инновационного взаимодействия России с наиболее развитыми в этом отношении странами и регионами мира. Речь идет, естественно, о США, ЕС, Японии и Израиле. Фундаментальная наука у нас сильна, прикладная – слабее, а этап разработки, равно как и механизмы, внедрения в производство и коммерциализации инноваций попросту слабы. Но вполне возможно грамотное разделение труда, партнерство и масштабное сотрудничество с развитыми странами, предоставление наших емких рынков для совместных инноваций во взаимных интересах. И здесь тоже нужны соответствующие проекты и программы.

Как говорит в своем интервью журналу “Эксперт” (2011, № 49, с. 63) известный американский исследователь российской науки Л. Грэхэм, “сильные стороны России всегда заключались в развитии фундаментальных наук: математики, физики. А слабые – в недостатке коммерческого использования достижений науки. Сейчас, например, Россия экспортирует высокие технологии примерно на уровне одной четвертой от объема высокотехнологичного экспорта совсем небольшой Швейцарии. И в советские времена с экспортом высоких технологий дела обстояли не лучше. Поэтому надо трансформировать науку таким образом, чтобы она стала активным игроком на мировом рынке. Совсем недавно я занимался историей науки о лазерах. И вы, наверное, лучше меня знаете, что российские ученые Басов и Прохоров получили за это открытие Нобелевскую премию вместе со своим американским коллегой Таунсом. А какова доля России на мировом рынке в области производства лазеров? Всего один процент. И это огромный парадокс”.

Самая высокая инновационная активность сегодня фиксируется только в странах с высоким уровнем зрелых рыночных механизмов и предпринимательской среды. В странах же, где государство играет большую роль в экономике, внутренняя инновационная активность намного слабее, и упор обычно делается на привлечение (имитацию) зарубежных инноваций, что на первом этапе вполне естественно. И в России главным фактором создания инновационной модели является все же бизнес, его внутренний интерес и активность. Хотя без поддержки государства он не сможет добиться нужных результатов. Важно, чтобы государство не подменяло собой бизнес, а помогало ему, следило за правильностью хода процесса формирования национальной

инновационной модели и даже развивало на этой почве собственный государственный бизнес, который мог бы конкурировать с частным бизнесом.

Но не менее важный фактор, как уже говорилось, – готовность общественного сознания принять инновации как национальную идею, приоритетный национальный проект. Здесь есть проблемы, внутренние трудности. Как пишет С. Новопрудский, “Россия ментально не готова к инновационному развитию, которое власть считает стратегической задачей. В патерналистской стране, где инициатива всегда наказуема, где наука из эпохи в эпоху существует в политических шарашках или финансовых резервациях, где бизнес скован льдом вульгарного государственного регулирования, а само государство предельно расковано по части воровства казенных средств, инновации в принципе не могут стать органичной частью экономики. Россия способна придумывать, но не производить” (“Форсайт”, 2009, № 2, с. 24).

Это весьма грустная, но все же не совсем нереалистичная оценка. Конечно, задуматься над ней надо. Однако Россия не сошла со стратегического пути своей трансформации. Теперь важно не только более решительно и твердо проводить ее в жизнь, но и включить в нее такой компонент, как инновационная модель. Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. и начавшееся послекризисное развитие серьезно подтолкнули весь мир на этом пути. Не избежать его и нам, если мы хотим стать великой державой. Причем комплексную государственную программу создания инновационной модели надо проводить в жизнь уже сегодня, ибо завтра будет уже поздно. При этом такую программу надо сочетать и увязывать с не менее комплексными программами модернизации экономики и общества и неоиндустриализма.

А глобализация – необходимый сегодня мотор обмена техникой и технологиями, создания рынков для инновационной продукции во всем мире. Россия должна стать не только одним из таких рынков, но и важным производителем современной инновационной продукции. Стать своего рода Сингапуром или Израилем, только в огромных размерах. Считать же, что Россия – не Запад, что она всегда и во всем должна быть изолирована и идти каким-то своим, оригинальным путем – попросту призывать идти по дороге в никуда. К сожалению, сегодня таких призывов немало. Здесь можно вспомнить тексты и С. Кургияна, и С. Кары-Мурзы, и В. Багдасаряна, и Р. Нигматулина, и С. Сулакшина, и В. Якунина, и С. Батчикова, и многих представителей КПРФ. Все это говорит о том, что излечиться от непростого прошлого нам, действительно, тяжело. А значит, трудно создать инновационную модель экономики, здоровое, современное, демократическое общество. Но веры и воли терять нельзя. Наоборот, нам нужно решительное противодействие злу и силой, и разумом. Без этого нет будущего. Страна вновь стоит на развилке путей и пора уже окончательно сделать правильный выбор и четко встать на правильный путь, отвечающий стратегическим интересам России, отторгнув силы сопротивления, обрета, наконец, реальную перспективу реального социально-экономического и инновационного прогресса.

Почти все вышеназванные персоны не являются экономистами-профессионалами: они любители. Их устарелая бесперспективная позиция дает им “основание” критиковать экономическую политику нашей страны по вектору не “вперед”, а “назад”, с позиций возврата к нерыночной и неинновационной (точнее – к мобилизационной и командно-административной) экономике, то есть сторонников социалистического реванша. Они хотят и не могут уйти от старого и привычного, от системы, которая их сформировала. Но жизнь пойдет другим путем. И думать надо о том, чтобы не только сохранять это движение, но и делать его более эффективным, более быстрым и последовательным.

Но вернемся к нашим реформам, к проблемам инноваций. Несмотря на сохранение правильного стратегического курса в этих направлениях в принципе, мы последние 12 лет практически реального прогресса не получили. Российская экономика и общество, наше национальное самосознание по-прежнему базируются на архаичной институциональной системе, плохо воспринимающей современные модернизацию и инновации. На деле мы пережили 12 лет застоя рыночных и демократических реформ

и даже частичного отступления назад. И сегодня уже ясно, что если не изменимся мы сами и общество в целом, то дальнейшие реформы в аспектах модернизации и инновационного развития широко и масштабно не пойдут.

Русский народ, писал известный философ И. Ильин, нуждается в покаянии и очищении, а те, кто уже очистились, “должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расползется в хлябь и в грязь” [Ильин, 2011, с. 11–12]. Это было сказано в 1956 г.

Сегодня, как это было в СССР и странах СЭВ в конце 1980-х–начале 1990-х гг., выбор один: либо вперед, в общество с рыночной экономикой, демократией, свободой и конкуренцией, то есть в зрелый капитализм по столбовой дорожке всего человечества, либо назад, в общество с нерыночной, плановой, государственной экономикой, административно-командной системой и авторитарным режимом, то есть по неторной и уже заросшей дорожке.

Прогресс в деле формирования в России инновационной экономики напрямую зависит от степени реформирования и модернизации базовых структур экономики и самого общества. Пока заметных положительных сдвигов в этих направлениях нет, как нет и в практической реализации ранее принятых решений по созданию национальной инновационной системы. Начиная с 1996 г., в стране был принят целый ряд законов по стимулированию научной и инновационной деятельности. Однако сейчас можно твердо сказать, что практически ни один из них не дал намеченного результата. Подобно тому, как в послевоенные советские времена все постановления партии и правительства по ускорению научно-технического прогресса не выполнялись, новые законы также пробуксовывают и не реализуются на практике, а позиции России в этом отношении в современном мире только ухудшаются. Это естественный результат отсутствия в стране грамотного и надежного процесса давно начатых и практически прекращенных в начале нынешнего века рыночных и демократических реформ, реформ не только экономики, но и общества, и человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ильин И.* Национальная Россия. Наши задачи. М., 2011.
Индикаторы науки: 2010. М., 2010.
2012 Global Rand D Funding Forecast, Battelle. December. 2011.